

Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии

Торопыгин А. В.*, Мендагазиев А. Е.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

Центральная Азия — союзные республики бывшей Средней Азии и Казахстан, ставшие независимыми странами после распада СССР. Формирование новых государств и региона связано как с внутренними вызовами, так и влиянием внешних внерегиональных сил. Цель статьи — проанализировать интересы и влияние США, Китая и России на развитие ЦА, а также восприятие этих сил в регионе. Проанализированы различные этапы этого влияния с момента появления до настоящего времени. Авторы приходят к выводу, что страны Центральной Азии за все время своего независимого существования по-разному воспринимали державы в треугольнике США — РФ — КНР, что явилось одной из предпосылок формирования их разновекторной внешней политики. Баланс интересов присутствия России, США и Китая в регионе является жизненно необходимым для стран ЦА, он обеспечивает независимый внешнеполитический курс и развитие Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана, способствуя стабильной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, США, геополитические интересы, геополитика, геоэкономика

Для цитирования: *Торопыгин А. В., Мендагазиев А. Е.* Взаимозависимость и восприятие интересов США, Китая и России в Центральной Азии // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2020. № 3. С. 88–98.

Interdependence of the Interests of the United States, China and Russia in Central Asia

Andrey V. Toropygin*, Arman E. Mendagaziev

North West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; * toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

Central Asia is the union republics of former Central Asia and Kazakhstan, which became independent countries after the USSR collapse. The formation of new states and regions is associated with both internal challenges and the influence of external extra-regional forces. The purpose of the article is analyzing the interests and influence of the United States, China, and Russia on the Central Asia development, as well as the perception of these forces in the region. Various stages of this influence from the moment of its appearance to the present time are analyzed. The authors concluded that the countries of Central Asia during its independent existence perceived powers in the triangle USA — Russia — China differently, which was a prerequisite for the formation of their multi-vector foreign policy. The balance of interests of Russia's, the United States' and China's presence in the region is vital for the Central Asian countries, it provides an independent foreign policy course and development of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan, contributing to a stable situation in the region.

Keywords: Central Asia, Russia, China, the USA, geopolitical interests, geopolitics, geoeconomics

For citing: Toropygin A. V., Mendagaziev A. E. Interdependence and Perception of the Interests of the United States, China and Russia in Central Asia // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 88–98.

Уход с мировой сцены Советского Союза оказало глубокое воздействие на всю систему международных отношений. Новые независимые государства, такие как Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, в самом сердце Евразии образовали новый регион — Центральную Азию.

Центральная Азия всегда была территорией геополитического соперничества ведущих стран. Сегодня Центральная Азия (ЦА) — регион не только с большим потенциалом развития, но и вызовами на пути его реализации. Огромные запасы минеральных ресурсов, демографические возможности, транзитный потенциал совмещаются с хрупкими демократическими институтами, слабо диверсифицированной и плохо финансируемой экономикой. Представляют угрозу государствам ЦА близость к нестабильному Афганистану, слабая охрана границ, рост радикального исламизма. Регион привлекает внешних игроков, которые в первую очередь ищут выгоду от экономического сотрудничества. Но упомянутые угрозы являются дестабилизирующим фактором для соседних стран, что требует вовлечение внешних акторов в региональные дела.

Стоит отметить то, что собственными интересами в регионе обладают многие государства: Россия, Китай, Турция, Иран, ЕС, США, Индия и другие. Тем не менее наибольшее влияние на регион оказывают такие державы, как Россия, с которой страны ЦАР входили в одно государство, Китай, набирающий все большую экономическую и политическую мощь, и США, преследующие глобальные интересы.

Интересы этих стран зачастую не сочетаются между собой, а также противопоставляются друг другу. Так, проблемы в отношениях США — Россия, Китай — США, сопряжения интеграционных проектов Китая и России транслируются на взаимодействие стран ЦА.

Развитие интересов США в Центральной Азии

Внимание США к Центральной Азии было привлечено с момента образования новых независимых государств после распада СССР. На протяжении 90-х гг. передовой целью США в ЦА являлось недопущение распространения оружия массового поражения. Стараясь выполнять функцию мирового полицейского, США пытались не допустить увеличения количества ядерных держав, тем более с неустоявшимися политическими системами и проблемами национальной безопасности, а также пресечь расширение влияния радикальных исламистов, что впоследствии могло стать причиной попадания оружия массового уничтожения (далее — ОМУ) в руки террористов и стран, пытающихся создать такое оружие, в том числе Ирана.

Почти невозможно отделить интересы НАТО и США друг от друга, так как «Вашингтон не только определяет практическую деятельность Альянса, но и использует ее для продвижения в первую очередь своих интересов»¹. Это особенно хорошо прослеживается во втором этапе политики США в Центральной Азии, который начался после событий 11 сентября 2001 г. Необходимость тылового обеспечения боевых действий США в Афганистане требовало участия в военной операции стран ЦА, которые предоставили возможность размещения баз снабжения и военных баз.

Позднее США были «намерены иметь долгосрочные отношения в области безопасности со странами Центральной Азии, которые могли бы включать доступ к базам, если это потребуется»², однако идеологические интересы США, а именно требования демократизации существующих режимов (авторитарных по сути), негативно повлияли на присутствие и восприятие США в регионе.

¹ Белоборов Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? // РСМД. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/cto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/?sphrase_id=32043063 (дата обращения: 15.08.2020).

² The Brookings Institution: United States Foreign Policy in the States of Central Asia — 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/events/united-states-foreign-policy-in-the-states-of-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2020).

С объявленным Б. Обамой ограничением задач Международных сил содействия безопасности в 2013 г. начинается новый этап американских интересов в регионе. Охлаждение отношений, закрытие баз на территории стран ЦА, уменьшение военного персонала и боевых действий привело к сокращению сотрудничества со странами ЦА. Несмотря на новую операцию «Решительная поддержка», начавшуюся в 2014 г., увеличения внимания к региону не произошло. Главный американский специалист по ЦА Ф. Старр критиковал планы США уйти из Афганистана, что негативно скажется на влиянии США в регионе и на проекте экономической интеграции Центральной и Южной Азии [14, с. 50].

Говоря об американских экономических интересах, следует сказать, что ЦА, безусловно, находится на периферии их интересов, что объясняется такими факторами, как малый совокупный ВВП стран, отсутствие выхода к морю, высокий уровень коррупции в государственных системах и труднодоступность и удаленность региона от США. Тем не менее США пытались экономически закрепиться в данном регионе, преследуя геополитические интересы. После распада СССР американские компании стремительно приступили к освоению нефтегазовых ресурсов региона. Для снижения влияния России, а позднее и Китая, и закрепления в энергетическом сегменте использовались: содействие международному развитию [3, с. 53] (официальная помощь развивающимся странам), прямые иностранные инвестиции, а также проекты, такие как ТAPI (газопровод из Туркмении в Афганистан, Пакистан и Индию), CASA-1000 (проект по переброске электроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Пакистан и Афганистан), C5 + 1 (переговорная площадка, объединяющая пять стран Центральной Азии и США), Новый Шелковый путь (план США по интеграции Центральной и Южной Азии в единый макрорегион), Транскаспийский трубопровод (газопровод из Туркмении и Казахстана на Кавказ и далее в Европу) и другие.

Касательно мягкой силы США в регионе следует констатировать, что она основана на популяризации демократических принципов и западного стиля жизни, направлена на молодое поколение, ищущее возможности для самореализации, а также на лидеров, приверженных демократическим принципам.

Таким образом, трансформацию интересов США можно разделить на три этапа. С 1991–200 гг. в регионе ставились три приоритета: решение проблемы ядерного оружия и ОМУ; помощь странам ЦА в укреплении суверенитета, разрушение традиционных инфраструктурных связей с Россией, связанных с трубопроводными системами.

Второй этап начинается после событий 11 сентября, когда на первый план вышли интересы в области безопасности. В итоге сопровождение военного сотрудничества и экономического взаимодействия идеологическими интересами США в демократизации региона негативно повлияло на отношения со странами. За четверть века стало понятно, что попытки демократизации не дали результатов, а лишь подтолкнули страны ЦА в объятия России и Китая.

На современном этапе США пытаются усилить свое присутствие в регионе, что подтверждает новая Стратегия США в Центральной Азии 2019–2025 гг. [18, р. 2]. Основным неизменным интересом США в регионе является противодействие усилению влияния России и Китая в регионе.

Расширение китайских интересов в Центральной Азии

Распад Советского Союза не мог оставить в стороне Китай, имеющий протяженную границу с новыми независимыми государствами. Политика Китая в 90-е гг., главным образом, была направлена на формирование дружеских отношений с новыми странами, обеспечения надежного тыла, что определило дальнейшую политику Китая в регионе.

Изначально перед Китаем стояла задача урегулирования пограничных вопросов с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Россией. Установление добрососедских отношений со всеми участниками пограничного урегулирования создало базис для образования «Шанхайской пятерки», институализированной позднее в ШОС в 2001 г.

Стоит отметить, что ШОС была создана на фоне Чеченской войны в России, обострения религиозного экстремизма в странах ЦА, сепаратистской эскалации СУАР в Китае и начала операции США и НАТО в Афганистане. Складывающаяся международная и внутренняя ситуация, «понимание государствами

региона невозможности противостояния таким глобальным вызовам и угрозам в одиночку послужили основанием для интеграционных процессов и объединения усилий, выразившихся в образовании ШОС» [6, с. 26].

Китай заинтересован в дружеском и стабильном ЦАР¹; это будет обеспечивать национальную безопасность Китая и выполнение геополитических и геоэкономических планов. Китай смог достичь компромисса в пограничном вопросе со своими западными соседями и углубить сотрудничество в области безопасности. Страны региона и Китай заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в борьбе против радикального исламского терроризма, уйгурского сепаратизма и организованной преступности. Такая политика получила свое оформление в рамках ШОС.

Что касается экономического сотрудничества, то на данный момент Китай является главным экономическим партнером для стран ЦА. Впечатляющий экономический рост, торговая экспансия, огромный демографический потенциал и значительное расширение прямых иностранных инвестиций обусловили усиление экономического и политического влияния Китая в ЦАР.

В 90-е гг. экономическое взаимодействие Китая и стран ЦА не поразило впечатляющими масштабами и было сконцентрировано на нефтяном секторе. Растущая потребность Китая в углеводородах заставила наращивать «присутствие в нефтегазовом секторе новых участников глобального энергетического рынка, включая ...постсоветское пространство» [7, с. 86]. С 2000-х гг. начался процесс интенсивного строительства инфраструктуры для транспортировки нефти и газа. В этот же период произошло усиление китайских ТНК на казахстанском, узбекском и туркменском энергетическом рынке, что способствовало наращиванию китайского потребления ресурсов из этих стран [5, с. 15]. При зависимости стран ЦА от российской инфраструктуры и западных инвестиций «именно Китай превратил в реальность цели ...по диверсификации рынков»².

После провозглашения инициативы «Один пояс — один путь» в 2013 г. значительно увеличилось значение стран ЦА для Китая [19, с. 10]. Для удовлетворения интересов Китая в транзите через страны ЦА использовалось расширение инвестиций в инфраструктурные проекты и транспортную систему. Также важным фактором является финансирование проектов через связанное кредитование, особенностью которого является «использование китайских материалов, оборудования, технологий либо рабочей силы при реализации проектов» [8, с. 82]. Наращивание взаимной торговли и прямых иностранных инвестиций, усиление политического влияния Китая сопровождалось постепенным уходом США из региона.

Увеличение экономического влияния Китая в Центральной Азии создает как новые перспективы, так и новые вызовы. Так, среди населения растет недоверие и синофобия, вызванные как экономической экспансией Китая, так и историческими предрассудками. Для преодоления этих проблем Китай активно использует технологию мягкой силы. Он активизировал взаимодействие в сфере внешней коммуникации, образования и науки со странами ЦА. Но трудности в продвижении мягкой силы Китая позволяют сказать, что мягкая сила Китая не соответствует требованиям экономических и социальных взаимодействий между странами.

Таким образом, за все время независимости Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана важнейшим партнером для всех стран стала КНР, без которой невозможно представить поступательного развития региона. Страны ЦА и Китай взаимно заинтересованы в ресурсах друг друга. Постепенное расширение интересов Китая в Центральной Азии в меньшей степени зависело от внешнего фактора и было сконцентрировано на внутренних интересах Китая.

Трансформация российской политики в Центральной Азии

На сегодняшний момент значительно трансформировались интересы России в ЦАР. В 90-е гг. приоритетность Центральной Азии в политике России снизилась по ряду причин. Россия была не способна

¹ ЦАР — Центральноазиатский регион.

² *Olkott M.* *中国在东亚地区无与伦比的影响* // 清华 — 卡内基中心 — 2013年09月18日 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegietsinghua.org/2013/09/18/zh-pub-53204> (дата обращения: 15.08.2020).

направить необходимые силы в ЦА в связи с внутренними проблемами: глубокой экономической рецессией, продолжающейся до 2000 г., и ослаблением армии. Отдельно стоит вопрос о всплеске национальной идентичности в новых независимых государствах, что сказалось на отношении к России. Учитывая также неудачные попытки экономической интеграции, можно сказать, что основные инструменты присутствия в регионе были потеряны для России.

Новый стимул для консолидации центрально-азиатского направления внешней политики придала антитеррористическая операция США. Россия оказывала значительную помощь в проведении операции, преследуя собственные интересы: нивелирование угрозы безопасности в Центральной Азии, а также лишение помощи чеченским боевикам. Однако усиление позиций США в Центральной Азии, естественно, не рассматривалось Кремлем как желательное, что привело к институализации Договора о коллективной безопасности в 2002 г.

Разочаровавшись в евроатлантическом направлении внешней политики, в 2000-е гг. Россия вновь заявила на международной арене, что страны СНГ, в том числе страны ЦА, являются зоной российских интересов как с точки зрения безопасности, так и в экономическом плане. Проводилась политика, направленная на усиление экономического сотрудничества в рамках всего постсоветского пространства.

Усиление политического и экономического присутствия России протекало в регионе через военно-техническое сотрудничество и размещение военных баз и, в большей степени, по причине провала политики демократизации США в Центральной Азии, что пробудило больший интерес к сотрудничеству стран региона с Россией.

На наш взгляд, новый этап политики России в ЦА начинается с 2007 г. с «мюнхенской речи» В. Путина. Развернув внешнюю политику России к возвращению позиций великой державы, Россия стала более напористо отстаивать геополитические интересы в Центральной Азии, стремясь к уходу США из региона и недопущению перенаправления центрально-азиатской нефтегазовой инфраструктуры на Восток. Несмотря на то, что кризис интеграционных процессов на постсоветском пространстве был ясен, Россия стремилась укреплять потенциал основных институтов, в том числе СНГ¹, что представлялось как «нежелательный субъект международных отношений для Запада, а также для таких региональных акторов, как КНР, ИРИ и Турция» [12, с. 102].

С точки зрения безопасности на сегодняшний день основным интересом России является обеспечение стабильности и недопущение радикализации стран региона, укрепление политических систем стран ЦА. Особую роль Центральная Азия играет в качестве буфера безопасности между Россией и радикальными Афганистаном и Пакистаном. Другой не менее чувствительной проблемой для России является контрабанда наркотиков через территорию Центральной Азии из Афганистана.

Страны ЦА имеют стратегическое и геоэкономическое значение для поступательного развития России. Интересы связаны как с добычей полезных ископаемых, таких и рынком сбыта товаров. Капиталы крупных нефтегазовых российских компаний активно вкладываются в ТЭК региона. Важнейшей частью энергетической стратегии Москвы являлось сохранение монополии экспортера для Европы и транзитера для стран ЦА. Однако здесь стоит учитывать внешних игроков, таких как США, ЕС и Китай, активно продвигающих и реализовывающих собственные планы построения трубопроводов. В связи с этим приводится вывод о том, что «Россия не смогла сохранить доставшуюся с советского периода монопольную роль в транспортировке энергоресурсов» [13, с. 32].

В нынешнее время экономические интересы в Центральной Азии являются стратегическими для России. Регион представляет собой рынок сбыта российских товаров и инвестиций, имеет особое значение для энергетической стратегии и предоставляет необходимые трудовые ресурсы. Почти во всех странах Россия входит топ-3 экспортеров и импортеров стран ЦА, что говорит о взаимозависимой торговле. Однако ее характер описывается ростом положительного баланса России, «причина этого кроется в структуре импорта из стран Центральной Азии» [11, с. 165], который состоит в основном из природных ископаемых и сельскохозяйственной продукции. Поступательное развитие стран региона является

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № 1440 // Сайт Президента РФ. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 15.08.2020).

важнейшим пунктом для политики России. Стоит учитывать и роль внешнего фактора, Россия не заинтересована в усилении экономического влияния Китая, несмотря на общее сотрудничество в регионе, что будет означать уходящие позиции России.

Мягкая сила России, без сомнений, является одним из важнейших параметров присутствия в регионе. По словам китайского исследователя Ма Сян: «Русская культура имеет позитивный имидж среди населения Центральной Азии, через русский язык и русскую культуру народы Центральной Азии приняли европейскую цивилизацию» [20, с. 131]. Русский язык, русская культура и русскоязычное информационное пространство можно рассматривать как сопоставимые экономические или военно-политические инструменты. Их защита является важнейшим интересом России, так как иначе связи с регионом и позиции России могут быть потеряны.

Таким образом, Россия обладает стратегическими геополитическими и геоэкономическими интересами в регионе. Глубокая взаимосвязь со странами Центральной Азии и протяженная граница предполагают необходимость присутствия в регионе. Обеспечение стабильности и недопущение радикализации в регионе — одна из важнейших задач внешней политики России. Экономические интересы также обособлены, однако степень их реализации является спорной.

Интересы в треугольнике РФ — КНР — США в ЦАР

В соответствии с интересами держав, возможно построить матрицу их приоритетности в регионе. Представленная таблица основана на содержании статьи и иллюстрирует ее материал.

Таблица

Матрица приоритетности интересов в ЦАР

Интересы	Россия	США	Китай
Территориальные	Отсутствие	Отсутствие	Отсутствие
Экономические	Приоритет	Отсутствие	Среднее значение
Военные	Приоритет	Отсутствие на данный момент	Отсутствие
Геополитические	Приоритет	Не первостепенное значение	Среднее значение
Ресурсные	Среднее значение	Среднее значение	Приоритет
Безопасность региона	Приоритет	Среднее значение	Приоритет
Культурные	Среднее значение	Отсутствие	Отсутствие

Источник: составлено авторами с использованием материалов [1], [3], [4], [6], [8], [11], [13], [14], [16], [18], [20].

Однако изложенная таблица не рассматривает фактор другого государства, что обязательно необходимо учитывать. В реализации своих интересов страны обязательно учитывали фактор других держав, или даже сдерживание другой державы становилось защитой своих интересов.

Так, вся политика 90-х гг. США была направлена на сохранение однополярного мира. Шанс закрепиться в Центральной Азии, которая находится в самом центре Евразии, между двумя соперниками прошлых 40 лет — Китаем и Россией, не мог быть упущен. Согласно теории З. Бжежинского, сдерживание «в Евразии доминирующей и антагонистической силы определяет способность Америки осуществлять глобальное первенство» [17, р. 38]. Также, по мнению классика западной геополитики Х. Маккиндера, контроль над хартлендом, с чем и ассоциируется Центральная Азия [9, с. 20], обеспечивает контроль над всем континентом. По Центральной Азии проходит «часть исторического разлома, отделяющего западный, православный и синский мир от мусульманского, вдоль которого, по прогнозам С. Хантингтона, назревает “столкновение цивилизаций”»¹. Таким образом, мы видим, что геополитическим интересом

¹ Попов Д. Политика США в Центральной Азии и российские стратегические интересы // Доклад на заседании Ученого Совета РИСИ. Москва, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analytics/30426/> (дата обращения: 15.08.2020).

США в 90-х гг. в Центральной Азии является закрепление контроля в этом регионе, что позволит сделать уязвимыми Китай и Россию. Вся политика поддержки демократизации и налаживание военно-политического сотрудничества обеспечивали эту цель.

Военное присутствие Соединенных Штатов в Центральной Азии во время операции в Афганистане привлекло внимание России и Китая. Несмотря на то, что они с начала операции не выступали против американского присутствия, Россия и Китай были обеспокоены и отвечали на эту ситуацию. Создание ОДКБ и подписание Устава ШОС, появление российских баз в этот период в Центральной Азии свидетельствуют об ответных реакциях Китая и России. Также встает вопрос: по какой причине Китай и Россия действовали скоординированно? Д. Бабаян считает, «что Пекин и Москва распределили между собой “зоны ответственности” каждой из сторон для “сдерживания” влияния Запада, прежде всего Вашингтона, в ключевых регионах мира» [2, с. 156]. В таком случае, действительно, Китай уважал сферу влияния Москвы и сосредотачивался лишь на решении приграничных вопросов, тогда как и в 90-х гг. Китай мог значительно усилить экономическое и политическое присутствие в регионе. Так, например, Китай стал на время одним из главных экономических партнеров Киргизии.

Однако США смогли укрепиться в регионе, особенно во время начала операции в Афганистане, в связи с чем были необходимы совместные действия КНР и РФ. Ситуация, когда в условиях добрососедских отношений Россия ответственна за безопасность региона, являлась благоприятным раскладом для Китая. А плавное, неагрессивное налаживание экономических связей со странами ЦА вписывалось в реалии того времени, так как инфраструктуры, связывающей Китай со странами региона, в тот момент не было. Китай без подозрений относился к интеграционным проектам России на протяжении всего современного этапа, признавая особую связь между странами, несмотря на категоричные отказы экономической интеграции в рамках ШОС.

Упрочение положения США в Центральной Азии после начала операции в Афганистане позволили начать процесс демократизации региона для обеспечения долгосрочного присутствия. Аналогичные тенденции проходили в Грузии и Украине через такие инструменты, как цветные революции. Однако навязывание демократической модели «не только испортило государственный имидж США в Центральной Азии, но и изменило положение баланса сил между Москвой и Вашингтоном в регионе» [15, с. 60].

На протяжении этого же периода времени США активно продвигали проекты по устранению монополии России на транзит нефти и газа по трубопроводной системе и перенаправления потока углеводородов в западном направлении. Однако по причине объективных проблем в многочисленных проектах и охлаждении отношений с США шанс был упущен, в борьбу за центрально-азиатские ресурсы вступил Китай. В итоге новые трубопроводные проекты России и Китая смогли полностью занять предложение нефти и газа стран ЦА. В «трубопроводной дипломатии» в Центральной Азии интересы держав также строились по большей части внутри треугольника США — РФ — КНР.

Следующий этап увеличения интересов держав к региону возник вокруг интеграционных объединений. Страны учитывали проекты друг друга в выстраивании интеграционной модели. Россия на начальном этапе желала как можно большего состава участников, США планировали развернуть страны ЦА к Южной Азии в рамках проекта «Большая Центральная Азия и Новый Шелковый путь», а Китай стремился к интеграции в рамках ШОС. Все проекты так или иначе стремились к снижению влияния других сторон.

Существующее «согласие» Китая и России в Центральной Азии складывается из отношений стран с Соединенными Штатами и ситуации в других регионах. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (далее — ЭПШП) является показателем сотрудничества и общих интересов Китая и России [4, с. 16], однако позже выяснилось, что Россия не стремится к активному продвижению проекта ЭПШП, так как «равноценный торговый баланс между ЕАЭС и Китаем — это далекая перспектива» [16, с. 33], а Китай предпочитает решать экономические вопросы со странами ЕАЭС через двусторонние форматы. К тому же важным российским интересом является недопущение бесконтрольного экономического проникновения Китая как в Россию, так в ЦАР, что приведет к бескомпромиссной конкуренции с китайскими товарами. При дальнейшем наслаивании противопоставляемых интересов «Китай может

принять решение отказаться от своей нынешней политики самоограничения в Центральной Азии»¹. Однако, несмотря на увеличивающийся экономический вес Китая в Центральной Азии, Пекин понимает необходимость действовать в ЦА через Москву, которая имеет больший политический инструментарий в регионе. Россия «сохранила “особые отношения” со странами Центральной Азии»², в то время как единственный существенный фактор присутствия Китая (экономический) не поддерживается широкими массами в странах ЦА. Тем не менее Россия и Китай имеют больше точек соприкосновения интересов и способны выстроить свои отношения в формате win-win. Таким образом, Россия и Китай преследуют свои интересы, однако действуют в контексте «коллективного сотрудничества» в отношениях между собой, тогда как отношения внутри треугольника США — Россия — Китай в ЦАР вписываются в терминологию «баланса сил».

В соответствии с новой Стратегией США в Центральной Азии, опубликованной в 2020 г., возможен новый этап развития американской политики в ЦА. В условиях скрытой борьбы за трансформацию мирового порядка в полицентричное устройство, где главными ревизионистами США считают Китай и Россию, можно предположить, что США собираются наращивать свое присутствие в регионе. Несмотря на то, что главный интерес всех стран лежит в недопущении превращения региона в еще один очаг мировой нестабильности, геополитические интересы явно преобладают. Противостояние друг другу в регионе — «игра с нулевой суммой» и для Москвы, и для Вашингтона. Это подтверждает новая стратегия США в регионе, которая «определяет другие внешние державы как злые силы»³ и ставит их в положение соперника.

В контексте треугольника интересов РФ — США — КНР важное значение имеет восприятие интересов держав странами ЦА. Предпочтение странами ЦА деятельности США на начальных этапах объясняется необходимостью сбалансировать российское монопольное присутствие. Да и страны Запада представлялись более важными в качестве источника инвестиций и помощи в региональных проблемах. В дальнейшем внешняя политика США, направленная на демократизацию региона, была воспринята негативно, и страны уже видели в России защитника своего суверенитета.

Сегодня иная международная ситуация, и некоторые страны ЦА смотрят в сторону США как на возможность компенсировать нарастающее китайское и российское присутствие. Однако «общественное мнение в Центральной Азии не демонстрирует положительного отношения к Соединенным Штатам» [10, с. 11].

Отношение к Китаю также не является однозначным. Власти видят в Китае источник роста и инвестиций, восхищаются экономическими и технологическими достижениями. Что важно для властей ЦА, Китай не связывает демократичность режимов с предоставлением кредитов или инвестиций. Однако в это же время усиливается «страх» перед Китаем, который «в сознании некоторой части населения в будущем представляется как мировой гегемон и агрессор»⁴. Данный диссонанс происходит из-за быстрого наращивания экономической активности китайских компаний, отсутствия доступной комплексной информации и слабости китайской мягкой силы в регионе.

Восприятие России заметно изменилось во многих странах Центральной Азии. Страны больше рассматривают Россию не как бывшую старшую сестру, а, скорее, как партнера и союзника. Объясняется это тем, что «российская политика проявляет большую чувствительность к обстоятельствам каждой центральноазиатской страны и демонстрирует гибкость в разработке индивидуальных подходов к ним»⁵. Ориентация на Россию помогает сбалансировать китайское экономическое присутствие, которое

¹ Zogg B. Cooperation, Co-existence or Clash? China and Russia's Ambitions in Central Asia // The Diplomat. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/cooperation-co-existence-or-clash-china-and-russias-ambitions-in-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2020).

² Gusev L. The Importance of Central Asia for Russia's Foreign Policy // Italian Institute for international political studies. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/importance-central-asia-russias-foreign-policy-24071> (дата обращения: 15.08.2020).

³ 曾向红: «美国新中亚战略评析» // 国际问题研究 — 第2期, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2020-03/27/content_41105151.htm (дата обращения: 15.08.2020).

⁴ Иманалиев М. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetskoe-razvitiye/?phrase_id=21355 (дата обращения: 15.08.2020).

⁵ Dubnov A. Reflecting on a Quarter Century of Russia's Relations with Central Asia // Carnegie Endowment for International Peace. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/19/reflecting-on-quarter-century-of-russia-s-relations-with-central-asia-pub-76117> (дата обращения: 15.08.2020).

трансформируется в политическое давление. Политическая сплоченность с Россией позволяет нейтрализовать негативные излишки китайской экспансии на данный момент. Тем не менее позитивное отношение к России в различных социальных и возрастных группах также подвержено эрозии.

Благодаря тому, что степень конфронтации в ЦАР значительно ниже по сравнению с ЮВА, Восточной Европой или Ближним Востоком, страны региона обладают возможностью проводить многовекторную политику и стремятся к хорошим отношениям с Китаем, Россией и Соединенными Штатами. С этой целью они приняли некоторую форму равновесия как ключ к таким отношениям¹.

Таким образом, страны Центральной Азии за все время своего независимого существования по-разному воспринимали державы в треугольнике США — РФ — КНР. А проведение многовекторной политики странами ЦА способствовало хорошим отношениям с ними. Баланс интересов присутствия России, США и Китая в регионе жизненно необходим для стран Центральной Азии, он обеспечивает независимый внешнеполитический курс Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана и способствует стабильной ситуации в регионе.

Литература

1. *Азмуханова А. М., Джумадилова Г. М., Амзенова Ж. Ж.* Интересы Китая в Центральной Азии (аналитическая справка) // *Society and Security Insights*. № 1, 2018. С. 186–194.
2. *Бабаян Д.* Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX — начале XXI вв. : дис. д-ра исторических наук // Институт востоковедения РАН. 2016. С. 429.
3. *Барановский В.* Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В. Барановского, Ю. Квашина, Н. Тогановой // ИМЭМО РАН. М., 2018. 248 с.
4. *Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И. [и др.]* Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3, 2019. С. 13–30.
5. *Глинкина С. П.* Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза // С. П. Глинкина, М. О. Тураева, А. А. Яковлев. Институт экономики РАН. М., 2016. С. 59.
6. *Грозин А.* Россия в Центральной Азии: сотрудничество и перспективы энергетического партнерства со странами региона // *Восточная аналитика*. 2019. С. 23–34.
7. *Жуков С., Резников О.* Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации // ИМЭМО РАН, М., 2009. 180 с.
8. *Кашин В., Королев А.* Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 3, 2018. С. 78–85.
9. *Кефели И. Ф., Шамахов В. А.* Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 4, 2019. С. 17–25.
10. *Кортунов А., Ларюэль М.* Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества // доклад под ред. И. С. Иванова. РСМД. № 49, 2019. 38 с.
11. *Кузьмина Е.* Экономическое сотрудничество России с государствами Центральной Азии // *Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии*. МГИМО, 2018. С. 164–184.
12. *Лаумулин М.* Стратегические интересы России в государствах Центральной Азии на современном этапе // *Россия и мусульманский мир*. № 12, 2009. С. 98–112.
13. *Никитенко В.* Евразийские векторы сотрудничества стран — участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 1, 2018. С. 25–33.

¹ *Kausikan B., Starr F., Cheng Y.* Central Asia: All Together Now // *The American Interest*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/16/central-asia-all-together-now/> (дата обращения: 15.08.2020).

14. Сафранчук И. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // *Международная жизнь*. № 7, 2013. С. 43–53.
15. Фань С. Стратегия США по распространению влияния в регионе Центральной Азии как общая угроза для России и Китая // *Международные отношения*. № 3, 2018. С. 55–64.
16. Шамахов В. А., Случевский В. В. Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС «Один пояс — один путь» // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 1, 2019. С. 28–33.
17. Brzezinski Z. K. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives* // Zbigniew Brzezinski. Perseus Books group; 1st ed. 1997. P. 217.
18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity: Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. 2020.
19. 共建“一带一路”倡议 进展、贡献与展望 // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 — 2019, 64 页.
20. 马强: «大国在中亚的“软实力”政策比较分析» // *俄罗斯学刊* — 第 9 卷总第 54 期 — 120–134 页.

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

Мендагазиев Арман Еркинович, бакалавр международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); armanmendagaziev@mail.ru

References

1. Azmukhanova A. M., Dzhumadilova G. M., Amzenova Zh. Zh. Interesy Kitaya v Tsentral'noi Azii (analiticheskaya spravka) // *Society and Security Insights*. № 1, 2018. S. 186–194.
2. Babayan D. Politika Kitaya v Tsentral'noi Azii, na Kavkaze i v Severnom Prikaspii v kontse XX — nachale XXI vv. : dis. d-ra istoricheskikh nauk // Institut vostokovedeniya RAN. 2016. S. 429.
3. Baranovskii V. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt / pod red. V. Baranovskogo, Yu. Kvashina, N. Toganovoi // IMEMO RAN. M., 2018. 248 s.
4. Glaz'ev S. Yu., Arkhipova V. V., Ageev A. I. [i dr.] Voprosy i sostoyanie protsessov sopryazheniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i initsiativy «Odin poyas — odin put'» v predstavleniyakh Kitaya i Rossii // *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. № 3, 2019. S. 13–30.
5. Glinkina S. P. Kitaiskaya strategiya osvoeniya postsovetского prostranstva i sud'ba Evraziiskogo soyuza // S. P. Glinkina, M. O. Turaeva, A. A. Yakovlev. Institut ekonomiki RAN. M., 2016. S. 59.
6. Grozin A. Rossiya v Tsentral'noi Azii: sotrudnichestvo i perspektivy energeticheskogo partnerstva so stranami regiona // *Vostochnaya analitika*. 2019. S. 23–34.
7. Zhukov S., Reznikov O. Tsentral'naya Aziya i Kitai: ekonomicheskoe vzaimo-deistvie v usloviyakh globalizatsii // IMEMO RAN, M., 2009. 180 s.
8. Kashin V., Korolev A. Pomoshch' KNR stranam Tsentral'noi Azii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 62. № 3, 2018. S. 78–85.
9. Kefeli I. F., Shamakhov V. A. Geopoliticheskie i geoeconomicheskie aspekty vzaimodeistviya EAES i ES v formate Bol'shogo evraziiskogo partnerstva // *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. № 4, 2019. S. 17–25.
10. Kortunov A., Laryuel' M. Rossiya i SShA v Tsentral'noi Azii: ogranicheniya i vozmozhnosti sotrudnichestva // doklad pod red. I. S. Ivanova. RSMD. № 49, 2019. 38 s.
11. Kuz'mina E. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii s gosudarstvami Tsen-tral'noi Azii // Rossiya i Tsentral'naya Aziya: novye perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchenoi 25-letiyu

- ustanovleniya diplomatich. otnosheniĭ mezhdru Ros. Federatsiei i gosudarstvami Tsentral'noi Azii. MGIMO, 2018. S. 164–184.
12. Laumulin M. Strategicheskie interesy Rossii v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii na sovremennom etape // Rossiya i musul'manskii mir. № 12, 2009. S. 98–112.
 13. Nikitenko V. Evraziĭskie vektory sotrudnichestva stran — uchastnikov Shankhaĭskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniyu mezhdunarodnoi i regional'noi bezopasnosti // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. № 1, 2018. S. 25–33.
 14. Safranchuk I. Kontsepsiya «Novyi shelkovyi put'» i politika SShA v «Bol'shoi Tsentral'noi Azii» // Mezhdunarodnaya zhizn'. № 7, 2013. S. 43–53.
 15. Fan' S. Strategiya SShA po rasprostraneniyu vliyaniya v regione Tsentral'noi Azii kak obshchaya ugroza dlya Rossii i Kitaya // Mezhdunarodnye otnosheniya. № 3, 2018. S. 55–64.
 16. Shamakhov V. A., Sluchevskii V. V. Nekotorye aspekty sopryazheniya proektov EAES «Odin poyas — odin put'» // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. № 1, 2019. S. 28–33.
 17. Brzezinski Z. K. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // Zbigniew Brzezinski. Perseus Books group; 1st ed. 1997. P. 217.
 18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity: Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. 2020.
 19. 共建“一带一路”倡议 进展、贡献与展望 // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 — 2019, 64 页.
 20. 马强: «大国在中亚的“软实力”政策比较分析» // 俄罗斯学刊 — 第9卷总第54期 — 120–134 页.

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Department of International Relations of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Politics); toropyginav@mail.ru

Arman E. Mendagaziev, Bachelor of International Relations of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); armanmendagaziev@mail.ru